

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Воскресенье, 15 августа 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 44 (680)

ГОРЬКИЙ и ЧЕХОВ

«Если бы Гегель создавал свою систему в наши дни и если бы он был знаком с новейшей русской литературой, то несомненно в Чехове и Горьком он мог бы увидеть интересный образец тезиса и антитезиса... Эмблема одного — тоскующая скорбная чайка, эмблема другого — смелый сокол и гордый буревестник» (см. «К правде», 1904 г.).

Таковыми антиподами представлялись Горький и Чехов некоторым своим современникам.

И в самом деле, на первый взгляд, два как будто диаметрально противоположных писательских образа.

С одной стороны, молодой Горький, только начинающий свой литературный путь, путь страстного борца, «воспламененного желанием строить новую, свободную для человека жизнь, на обломках старой, тесной». Исходивший вдоль и поперек всю Россию, он с жадностью и страстью «пожирал» жизнь («Мне некогда было учиться, я все жрал жизнь»), с любовью и пылкостью всматривается в человека — «самое чудесное, самое высокое создание в мире».

А с другой стороны, еще не старый, но уже в зените славы, уже умудренный и отяжеленный писательским опытом Чехов, «присосавшийся к месту» («с годами как-то тяжелеешь, присасываешься к месту»), тяготящийся однообразием жизни, жалующийся на свою внутреннюю опустошенность.

Конец 90-х, начало 900-х гг. — это годы оживленной и задумчивой переписки обоих писателей, в которой мы находим взаимную высокую оценку творчества. «Если бы познакомились и поговорили час, другой, то вы убедились бы, как я высоко вас ценю и какие надежды возлагаю на ваше дарование», писал Чехов начинающему Горькому (письмо от 3 дек. 1898 г.). А в ответ Алексей Максимович, взволнованный и «плененный помощью» чеховского таланта, восторгается творчеством своего старшего товарища и друга («В русской литературе не было новеллистов, подобного Вам, а теперь Вы у нас самая ценная и крупная фигура»), гордится его отношением к себе.

На какой основе устанавливается дружественная связь молодого Горького с Чеховым, что объединяет их, как перекрещиваются их творческие интересы?

Искусство реализма, ставящего выше всего суровую неприкрашенную правду жизни, было одинаково дорого и Горькому и Чехову. Революционная романтика раннего Горького отнюдь не противоречит реалистическим основам, заложенным с самого начала в его художественном творчестве, являясь, по собственному выражению А. М., лишь «псевдонимом» его реалистического стиля. В ряде писем к А. П., в воспоминаниях о нем Горький восторгается замечательным реализмом чеховского творчества, умением «ввертываться в глубь и в суть жизни», как «буря в землю», «беспощадно и правдиво раскрывать людям позорную и тоскливую картину жизни».

В критической статье, посвященной анализу рассказа «В овраге» («Литературные заметки»). По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В овраге» — 1900 г.), Горький как-бы подытоживает свою оценку Чехова-реалиста. «В рассказах Чехова нет ничего такого, чего не было бы в действительности. Страшная сила его таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, чего нет на свете».... (разрядка Горького).

В свою очередь Чехов среди ранних произведений Горького выделяет, как лучшие, его реалистически-бытовые рассказы. «В степи», «Мой спутник» получают наиболее высокую оценку А. П. «Двадцать шесть и одна» привлекает Чехова опять-таки бытовым колоритом: «В рассказе

сильно чувствуется место, пахнет близкими». (Письмо 15 февр. 1900 г.).

И с одинаковым возмущением выступают оба против декадентски-претенциозных, антиреалистических произведений Л. Андреева. Горький, для которого понятие реализм было адекватно искусству глубокого обобщения, отнюдь не удовлетворяется эмпирическим нанизыванием фактов. Отрицательно оценивая андреевского «Сашку Жигулева», Горький пишет: «Хотя эта повесть и насыщена фактами русской действительности — освещение и толкование фактов совершенно литературное, т. е. искусственное, не живое» (письмо Л. Андрееву, недатированное). И этому мнению, ограниченному, условному реализму противопоставляет Горький чеховский реализм, который «возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа», до «философских обобщений».

Но уже в те годы Горький идет дальше Чехова. Основоположник социалистического реализма, реализма нового качества, Горький не удовлетворяется отражением в искусстве «нищей и уродливой правды» современности. Он ищет «высокой правды искусства, жизнь которого длительней... личной жизни, правды, которая важнее жалкой правды нашего сегодня» (письмо Горького к И. Д. Сургучеву от 10 января 1912 г.).

И эта «высокая правда» реалистического искусства требует от художника новых героических тем, героических образов, которые помогли бы людям во имя светлого революционного будущего преодолеть «калечную мерзость» настоящего. «Право же — настало время нужды в герои-

ческом», пишет Алексей Максимович Чехову, «все хотят возбуждающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было похоже на жизнь, а было выше ее, лучше, красивей...» (январь 1900 г.). Это не отказ от реализма, не противоречие реалистическим помыслам и устремлениям Горького, это дальнейший шаг от реализма критического к созданию искусства будущего, искусства социалистического реализма.

В противоположность лагерю символистов, пытавшемуся объявить Чехова «своим», облачить его в декадентски-импрессионистическую тогу, молодой Горький отчетливо разглядел реалистическую сущность чеховского творчества. С гениальной прозорливостью увидел он в зрелом писателе то, что было присуще его собственному мироощущению, его эстетическим взглядам.

В отличие от всей плеяды критиков разных лагерей уже в те годы Горький увидел в Чехове не «певца хмурых людей», не нытика и пессимиста, а прежде всего разоблачителя мещанства. «Огромное вы делаете дело вашими маленькими рассказами — возбуждая в людях отвращение к этой сонной полумертвой жизни — чорт бы ее побрал!» (письмо Чехову, январь 1900 г.).

Не «объективиста» Чехова увидел Горький, а Чехова протестующего, не примиренного с действительностью, которая рождает «человека в футляре», «унтера Пришибеева, «злумышленника» и «хамелеона». Враг пессимизма, оттолкнувшего его впоследствии от Л. Андреева («Меня всегда раздражал его пессимизм; его — то, что он называл моим оптимизмом, и что я лично называю исторической сознательностью»), Горький в противовес всей современной критике уловил глубоко ценную для него в Чехове ноту — «ноту бодрости и любви к

жизни» (Горький: «Литературные заметки»).

И наконец, великому гуманисту, для которого литература, прежде всего, была трибуной, откуда он говорил о любви и уважении к человеку, близки и дороги были рассказы Чехова, пропитанные не только глубоким знанием жизни, но и «мудрым беспристрастием и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который все понимает» (там же).

Реализм, любовь к человеку, к жизни — вот самое ценное в Чехове для Горького, то, мимо чего прошли равнодушно близорукие критики-современники, то, что связывает эти два имени.

Гораздо менее зорким в отношении Горького оказался Чехов, который не смог уловить основного в творчестве будущего автора «Матери». Горький, горячий и страстный борец, создатель образа гордого буревестника и вольного сокола, не был восприимчив к Чеховым. Внимание Чехова привлекают те горьковские произведения, в которых еще приглушенно звучал социальный протест молодого писателя. Он ценит в Горьком, главным образом, лирика («Вы по натуре лирик, тембр вашей души мягкий. Если бы вы были композитором, то избегали бы писать марши»), он восторгается «музыкальностью» и «стройностью» его ранних рассказов (см. т. V писем Чехова).

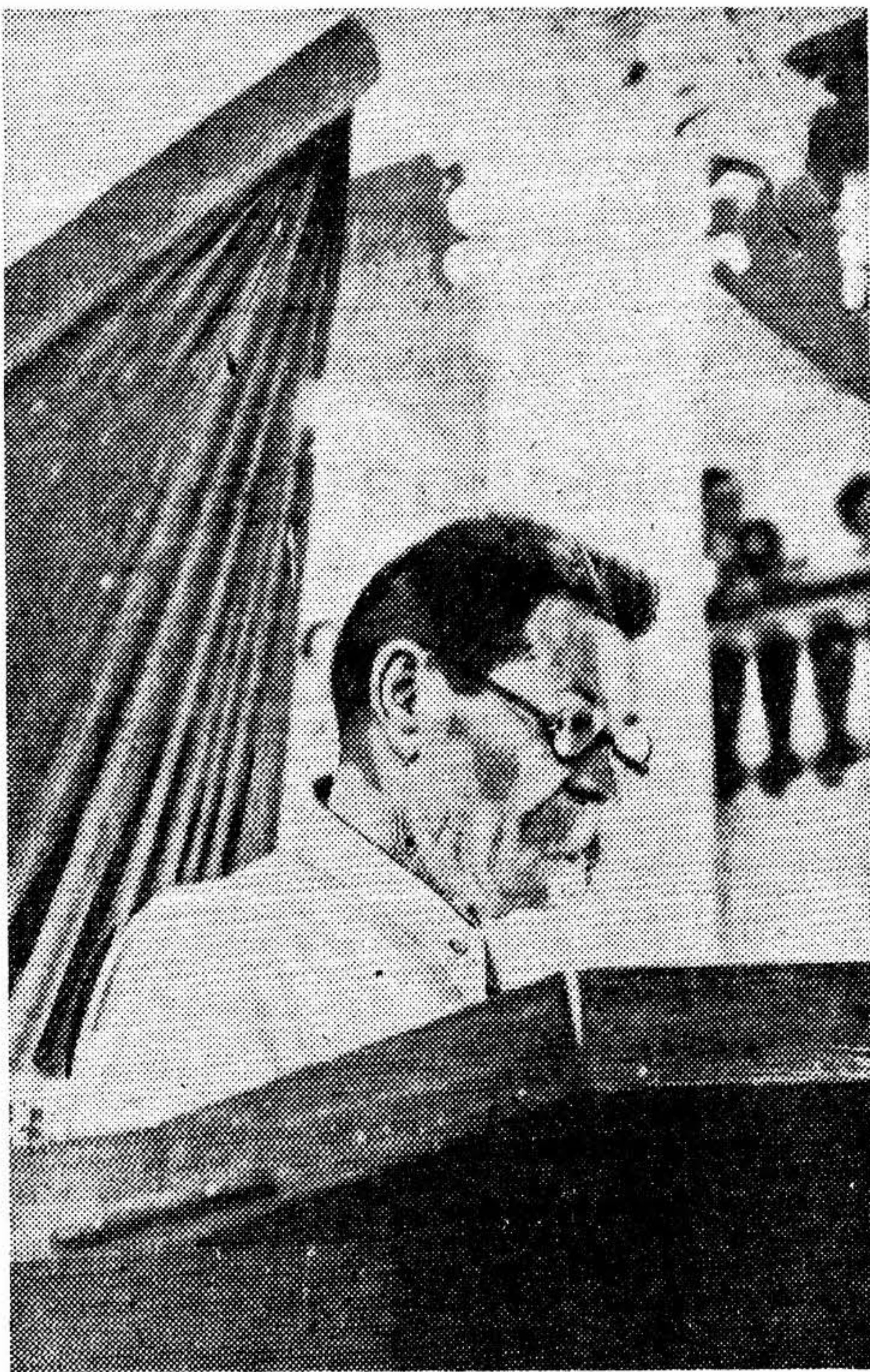
Торжественно приподнятый, иногда подымающийся до патетики стиль ранних произведений Горького с их свободолюбивыми героями, с образом безграничной морской стихии, символизирующим протест против душевной и смрадной действительности, — вся эта революционная романтика воспринимается Чеховым, как утомительная риторика, как «несдержанность» еще не овладевшего мастерством писателя... «Несдержанность чувствуется в описании природы, которым вы прерываете диалог... частые упоминания о неге, шопоте, бархатности и пр. придают этим описаниям некоторую риторичность, однообразие — и расхолаживают, почти утомляют... Часто говорите о волнах».

Письма к А. М. пересыпает Чехов рядом литературных советов, указаний, непосредственно обращенных к молодому автору. Признанный мастер маленького рассказа, один из лучших в мировой литературе новеллистов, Чехов учит начинающего Горького компактности, сдержанности, «грации». Лучшие заветы чеканной пушкинской прозы передает Чехов своему младшему товарищу. «Красочность и выразительность в описаниях природы, — пишет он, — достигаются только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь». Читая корректуру, вычеркивайте где можно определения существительных и глаголов. У вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться и он утомляется». И дальше в том же духе: «Пишите, пишите и пишите, пишите обыкновенно и по простецки — и да будет вам хвала велия». (Письмо от 7 июля 1900 г.).

И эту простоту чеховского письма, стремление к четкому, ясному слову, лишенному вычурности и претенциозности, не только оценил, но усвоил молодой Горький и пронес через всю свою творческую жизнь.

Взаимные оценки Горького и Чехова чрезвычайно характерны для обоих писателей, они подчеркивают идейный облик каждого из них, их эстетические взгляды. Несмотря на глубокую разность своих темпераментов, творческих профилей, они с самого начала связаны общей любовью к искусству высокой и суровой правды, к искусству подлинного реализма.

Л. ПОЛЯК

А. М. Горький на трибуне Первого Всесоюзного Съезда Советских Писателей — в августе 1934 года.